

Лейкин Николай Александрович

На случай несостоятельности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
На случай несостоятельности / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-92965-3

ISBN 978-5-519-92965-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Театръ представляет гостиную въ домѣ Костяева. Двѣ двери: въ срединѣ и налѣво. Мягкая мебель, фортепьяно. При поднятїи занавѣса Матрена Андреевна и Груша сидятъ за столомъ на диванѣ и ѣдятъ кедровые орѣхи. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Матрена Андреевна и Груша.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Что это, какая тоска, право!.. Десятый часъ, а Михея Иваныча все еще нѣтъ. Даже подъ сердцемъ какъ-то неловко -- и какое-то дрожаніе и замираніе во всемъ тѣлѣ. Ужъ не случилось-ли чего?.. хотѣлъ въ шесть часовъ придти... „Собери, говоритъ, бѣлье къ шести часамъ: приду и пойду въ баню“. Вѣрь послѣ этого... Я и бѣлье собрала и перцовки ему тереться приготовила, а онъ, на-поди! до сихъ поръ...

ГРУША. Найдется, маменька. Господи! Неужто вы не знаете папеньку? Запутался гдѣ-нибудь въ трактирѣ съ знакомыми, ну и конецъ!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Вотъ этого-то я и боюсь. У него ужаси какой нравъ, когда ежели не въ своемъ видѣ. Онъ можетъ, Богъ знаетъ, какихъ глупостей надѣлать. Помнишь, какъ онъ по веснѣ на тоняхъ въ одеждѣ въ воду бросился? А изъ-за чего? Передъ прїятелями хотѣлъ похвастаться. Загадать развѣ объ немъ на картахъ? *(Беретъ колоду картъ)*.

Груша. Да развѣ могутъ карты правду сказать, коли вы на нихъ по десяти разъ въ день гадаете? Нужно гадать не болѣе трехъ разъ въ день. Такъ и въ оракулѣ сказано.

Матрена Андреевна. А ты много-ли разъ сегодня гадала?

Груша. Два раза.

Матрена Андреевна. Такъ загадай ты отъ себя; тогда правду скажутъ.

Груша. Ну вотъ! Я свой разъ для чего-нибудь лучшаго сберегу. Ужо—на ночь загадаю.

Матрена Андреевна. Эка дура! Такъ развѣ отецъ-то тебѣ не лучший?

Груша. Я папеньку люблю, только для чего-же я для него буду тратить свой послѣдній, третій разъ, коли я и безъ того знаю, что онъ найдется.

Матрена Андреевна. Съ тобой не сговоришь, потому съ тобой говорить все одно, что воду въ ступѣ толочь. (*Раскладываетъ карты*). Ахъ, какая тоска! Господи, ужъ не попалъ-бы онъ грѣхомъ въ часть! Нынче насчетъ буянства-то очень строго. По зимѣ, вонъ, онъ чиновника въ трактирѣ только за носъ схватилъ, такъ чего стоило!.. Такъ и есть... девятка пикъ—пьянство и тузъ пикъ—казенный домъ, часть... Ахъ, ты Господи! Такъ и есть попалъ въ часть... И зачѣмъ я только гадала! (*Сбиваетъ карты. Молчаніе*). Ахъ, какая тоска и скука! Хоть-бы съѣсть чего, что-ли? Не послать-ли Мавру за клюквой? кисленькаго-то оно хорошо...

Груша. Ну вотъ!.. что за клюква! Пошлите лучше купить фунтъ подсолнечныхъ зеренъ.

Матрена Андреевна. Опять подсолнечныхъ

зерень? Да вѣдь ты съ часъ назадъ только полтора фунта ихъ съѣла. И какъ въ тебя, Груша, это только лѣзетъ?

Груша. Въ меня-то лѣзетъ? Да вспомните, сколько вы сами-то сегодня всякаго добра съѣли!

Матрена Андреевна. А сколько? Ну-ко, скажи. Видно только и умѣешь, что на другомъ человѣкѣ считать. А ты прежде считай на себѣ...

Груша. Да какъ-же... по утру, до обѣда, вы съѣли фунтъ красной смородины; потомъ, послѣ обѣда, фунтъ крыжовнику, половину вязанки винныхъ ягодъ и вотъ теперь, вечеромъ, ожидаючи папеньку, — глубокую тарелку кедровыхъ орѣховъ, на гривенникъ меду, вяземскій пряникъ, да отъ меня нѣсколько горстей зерень съѣли. Да... забыла еще: послѣ обѣда макъ ѣли.

Матрена Андреевна. Макъ я ѣла потому, чтобы спать крѣпче, потому у меня по ночамъ бессонница.

Груша. У васъ бессонница? Да вы сегодня послѣ обѣда часа четыре спали.

Матрена Андреевна. Такъ что-жъ, что послѣ обѣда спала? За то по ночамъ у меня бессонница. Какъ ляжешь, такъ иногда часъ цѣлый не можешь уснуть и только заведешь глаза, какъ вдругъ точно какія-то руки начнутъ по всему тѣлу шарить, ну и проснешься. А тамъ опять цѣлые полчаса засыпать надо. *(Молчаніе)*. Нѣтъ, ужъ ты тамъ какъ хочешь, а я пошлю за клюквой, потому тоска... *(Кричитъ)* Мавра!

Груша. Такъ ужъ поплите и мнѣ за подсолнечными зернами.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ладно. Только поди позови Мавру.

ГРУША. Лѣнь, маменька. Кажись, съ мѣста-бы * не поднялась. Лучше крикнете.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Теперь ужъ ты крикни. Я кричала. Мнѣ и такъ тяжело.

ГРУША. Все я, да я! (*Кричитъ*) Мавра! Мавра!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ахъ, какая безпутная женщина! Вѣрно ушла куда-нибудь. Крикни еще разъ.

ГРУША. Что-жъ я буду зря-то кричать? Лучше немного погодя крикну.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ахъ, какая лѣнивая! Что въ тебѣ этой лѣни!.. Страсть! Мавра!

(*Голосъ за кулисами „Ау“*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Т ѣ - ж е и М а в р а .

МАВРА (*входя*). Чего раскричались-то? Здѣсь не въ лѣсу. Что надо?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Гдѣ ты шаталась? До-кричаться невозможно.

МАВРА. Да, расшатаешься у васъ, какъ-же...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Куда-же нибудъ ты шлалась? Гдѣ была?

МАВРА. На Семихатовъ дворъ бѣгала. Тамъ изъ трубы выкинуло и на чердакъ загорѣлось. Да нешто при вашей лошадиной работѣ что путное увидишь! Позамѣшкалась въ кухнѣ, прибѣжала туда, а ужъ тамъ все и залили. И пожарные съ двора

сѣзжають. Съ вашей работой второй пожаръ зѣваю. Такая досада, что и сказать не могу! Пршлый разъ генерала по нашей улицѣ хоронить везли и тутъ прозѣвала.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Охота тебѣ это бѣгать! Кажется, я за эту бѣготню никакихъ-бы денегъ не взяла. Поди въ мелочную лавку, купи на гривенникъ клюквы и фунтъ зернышекъ.

МАВРА. Какая теперь клюква, коли сейчасъ ужинъ подавать надо. Вотъ сейчасъ и молодцы изъ лавки пришли. Не ночь-же мнѣ около печи стоять!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Молодцамъ подавай ужинать, а мы будемъ ждать Михея Иваныча.

МАВРА. Ну, дождетесь его къ свѣту. Поди, ужъ онъ потрактирамъ всякихъ разносоловъ нахлебался.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Да мнѣ безъ него и кусокъ-то въ горло не пойдетъ.

МАВРА. Да куда-жъ и идти-то ему, родная, коли ты даве за чаемъ двѣ филипповскія сайки въ себя убрала.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ахъ Мавра, Мавра, какая ты грубіанка, посмотрю я на тебя. Тебѣ только и дѣла куски мои считать. Ты на себя-то лучше обернись да посмотри, чѣмъ у тебя-то зобъ набить. Вѣдь лопнуть хочетъ.

МАВРА. Вишь, вѣдь ты до чего досидѣлась: что твоя насѣдка сдѣлалась! Такъ тебя къ землѣ и тянетъ. Хоть-бы въ окошко взглянула, такъ тебя, по крайности, вѣтромъ-бы пообдуло.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Вѣтромъ? Еще простудишься, чего Боже оборони.

МАВРА. Чего студить-то? Одинъ жиръ. До мяса-то и не прохватить. Тебя въ Крещеньевъ день въ прорубѣ купать, такъ и то въ самый разъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Иди, иди, ругательница!
(*Мавра уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Матрена Андреевна и Груша, потомъ Усталовъ.

ГРУША (*потягиваясь*). Хотѣла своему предмету цѣдулку написать, да лѣнь страшная. Лучше ужъ какъ-нибудь на словахъ передамъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Сказать отцу, такъ за эти цѣдулки-то онъ тебѣ такъ задастъ, что и своихъ не узнаешь.

ГРУША. Не бойтесь, не осрамлю. Предметъ мой въ нашемъ-же домѣ, а не въ чужомъ. Да къ тому-же онъ мѣтитъ на счетъ законнаго брака, такъ какъ отъ дяденьки капиталъ получилъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Срамница!

ГРУША. Пожалуйста! Ужъ кто-бы говорилъ да не вы. Непто я не помню, какъ вы третьяго года нашему приказчику, Дмитрію Захарову, бисерный кошелекъ связали и подарили?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Вотъ кабы мнѣ не лѣнь, такъ я-бы тебѣ за эти слова языкъ твой вырвала!

ГРУША. Посмотрѣла-бы я какъ вы вырвали. Руки коротки!

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ну, ужъ довольно, довольно! давай молчать. (*Входитъ Усталовъ*).

УСТАЛОВЪ. Матренѣ Андреевнѣ.... Аграфенѣ Михеевнѣ...

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Заперлись уже?

УСТАЛОВЪ. Съ часъ мѣста, какъ заперлись.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. А Михей Иванычъ?

УСТАЛОВЪ. Не знаю-съ. Они часовъ эдакъ въ пять отправились съ сосѣдами въ трактиръ и не возвращались, а только, значитъ, часовъ эдакъ въ семь прислали изъ трактира мальчишку, сказать, чтобъ мы запирались.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. А насчетъ бани ничего онъ не говорилъ?

УСТАЛОВЪ. Насчетъ бани и разговору не было.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Какъ-же такъ? А я и бѣлье и перцовку приготовила...

УСТАЛОВЪ. Объ этомъ мы не извѣстны.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. А не спрашивалъ ты у этого самого мальчишки: Каковъ онъ? Тверезъ или хмѣленъ?

УСТАЛОВЪ. Помилуйте, Матрена Андревна, нешто это возможно? Мы ежели и видимъ что, такъ замѣчать не должны, потому они хозяева, а мы приказчики. А тутъ вдругъ спрашивать!..

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ну, ступай! *(Усталовъ отходитъ и дѣлаетъ какіе-то знаки Грушѣ. Та киваетъ ему).* Ты что это такъ руками размахиваешь?

УСТАЛОВЪ. Руку что-то свело-съ, такъ разминаю. Надо стать въ лавкѣ надуло маленько.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. То-то... А то нечего здѣсь махать! Иди-знай... *(Усталовъ дѣлаетъ Грушѣ еще разъ какой-то знакъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Матрена Андреевна, Груша и Мавра.

МАВРА (*входитъ съ двумя тарелками и ставитъ ихъ на столъ*). Нате, наслаждайтесь, жуйте!..

ГРУША. Маменька, да пугните ее хорошенько. Что она, въ самомъ дѣлѣ, грубить.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Лѣнь, Грушенька; а то неужто я позволила-бы надъ собой всякой бабѣ надругаться?! (*Мавръ*) Иди отъ грѣха. Скройся съ глазъ моихъ.

МАВРА. Не трону васъ. Кисните тутъ хоть всю ночь. (*Уходитъ и потомъ возвращается*). Что-жъ ужинать-то будете, что-ли?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Не буду я.

ГРУША. А мнѣ такъ поставь на комодъ, въ мою комнату, кусочекъ телятинки. Ужо спать ложиться буду, такъ можетъ и съѣмъ. (*Мавра уходитъ*).

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА (*постъ клюкву*). (*Грушѣ*). Ты не всѣ подсолнухи-то ѣшь. Оставь и мнѣ немножко. Ахъ ты, Господи, вѣдь вотъ ѣшь, а сердце не на мѣстѣ. Такъ и думается объ Михеѣ Ивановичѣ, такъ и представляется, что сидитъ онъ въ трактирѣ и около него арфянки прыгаютъ.

ГРУША. Ну, маменька, кажется папенька до этого не охотникъ.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Не знаешь ты мужчинъ, милая. Пьные-то они всѣ до этого охотники. (*Помолчавъ*). Ахъ ты Господи: хоть-бы пришелъ онъ скорѣй... Сонъ такъ и клонить, а безъ него спать не могу. (*Слышенъ звонокъ*).

ГРУША. Ну, вотъ онъ и нашелся! Чего плакали?

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Все сердце оборвалось. Дай-то Богъ, кабы онъ, да тверезый. Да нѣтъ, не онъ... Загадать развѣ на пальцахъ?

(Входитъ Костяевъ замѣтно навеселѣ. Одѣтъ въ современный костюмъ. Круглая борода коротко подстрижена. Черная шляпа надѣта на бекрень).

ЯВЛЕНИЕ V.

Матрена Андреевна, Груша и Костяевъ.

Костяевъ *(цѣлуя жену и дочь)*. Здравствуйте. Загулялся маленько. Такое дѣло вышло, то есть такое дѣло, что ежели, Мотя, ты узнаешь его, такъ даже похвалишь и рада будешь. *(Садится)*.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Не стыдно это тебѣ? Хотѣлъ въ баню и вдругъ до этихъ поръ... и въ эдакомъ видѣ!

Костяевъ *(вскакивая)*. Въ какомъ видѣ? Видѣ, какъ есть видѣ. Самый свѣжій. Хочешь, такъ даже дыхну на тебя... конечно, немного водкой пахнетъ... только вѣдь отъ меня завсегда пахнетъ. Давеча вонъ на сюртукѣ пятна водкой выводили... А видѣ совсѣмъ свѣжій.

МАТРЕНА АНДРЕЕВНА. Ужъ коли былъ-бы свѣжій видѣ, такъ ты-бы не забылъ въ горницѣ шляпу снять.

Костяевъ *(спохватясь, снимаетъ съ головы шляпу)*. Что-жъ что въ шляпѣ? Шляпа тутъ ни при чемъ. Хорошая чистая шляпа. Вотъ ежели-бы я ее въ грязи вывалялъ. *(Одушевляясь)*. Ахъ, Мотя, ежели-бы ты знала, гдѣ я былъ, такъ не такъ-бы говорила! Былъ я съ Бондыревымъ въ Александ-

ровскомъ паркѣ и смотрѣлъ нашего русскаго знаменитаго акробата, а бывшаго полотера, Егора Васильева. То есть, Господи, изъ простыхъ русскихъ мужиковъ и вдругъ до эдакой высоты!.. Идетъ это, голубчикъ, въ простой—русской сермягѣ и лаптяхъ по канату. Ужасъ и умиленіе! Мы съ Бондыревымъ даже въ слезы... потому простой русскій человѣкъ и вдругъ на эдакой высотѣ!.. Ну, какъ тутъ не посмотреть? Нѣмцевъ же смотримъ? А тутъ въ первый разъ нашъ русскій... Ну, какъ не поддержать?

Матрена Андреевна. Кого-бы ты тамъ не смотрѣлъ, а только зачѣмъ было обѣщаться придти раньше и не исполнить?

Костяевъ. Нѣтъ, ты мнѣ скажи: слѣдовало его поддержать или не слѣдовало? Нѣмецъ у насъ все выдумалъ: и пароходы, и порохъ, и чугунку, и машины разныя, и лекарства, и обезьяну, и вдругъ простой русскій... Слѣдовало поддержать или нѣтъ?

Груша. Я читала, папенька, что русскій самоваръ выдумалъ...

Костяевъ. Не мѣшай! Спрашивается: слѣдовало поддержать?

Матрена Андреевна. Да чѣмъ-же вы его поддерживали? Водкой, что-ли, что ты такъ глазато налил?

Костяевъ. Какъ водкой? Фору кричали, бись. А что насчетъ водки, такъ это потомъ, потому нельзя... такая сырость, что бѣда! Ну-съ... Прошелъ это онъ по канату разъ въ сермягѣ, потомъ эту сермягу снялъ и на обратномъ пути нагишомъ.

Груша. Ахъ, срамъ какой! И дамы были?